

3.3.3. Скандал в Манеже и встречи Хрущева с художественной интеллигенцией

Публикация повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича», воспринятая в определенных кругах интеллигенции как поворот в сторону дальнейшей либерализации, по времени совпала с выходом в свет массового учебного пособия «История КПСС» под редакцией директора Института марксизма-ленинизма П.Н. Поспелова. По идее оно должно было заменить собой сталинский краткий курс «Истории ВКП(б)». И потому многие ожидали увидеть там свидетельства дальнейшего разрыва со сталинизмом. Но вот именно «дальнейшего» там не было. Все ограничилось пересказом решений последних трех партийных съездов и пленумов ЦК, начиная с 1953 года. А.Т. Твардовский, просмотрев на ноябрьском пленуме ЦК КПСС эту книгу, записывал: «Убожество новой лжицы взамен старой лжи, обладавшей, по крайней мере, большей самоуверенностью и безоговорочностью. Культ личности, оказывается, “не мог поколебать ленинских идеологических и организационных форм”, а между тем ниже речь идет о “восстановлении ленинских норм”. Все, что в истории советского периода неразрывно связано с именем Сталина и явилось успехами социализма, все это делала “Партия” вопреки воле Сталина и т. д. и т. п. Жалкое впечатление: поручили мелкому чиновнику «исправить» известный “краткий курс”, он и делает это, стремясь не упустить ни одного из “указаний” и “разъяснений”, но без всякой заботы относительно убедительности целого. Горе!»{1779}.

Одновременное появление в свет этих двух произведений было по-своему символично. В этом факте можно обнаружить сразу две тенденции, два возможных вектора, два взгляда не столько на недавнее, связанное с именем Сталина прошлое, сколько на сегодняшний день и завтрашние перспективы развития страны. И, что характерно, носителем обеих этих несхожих тенденций был сам глава партии и правительства.

1 декабря 1962 г. он посетил открывшуюся в Манеже выставку, посвященную 30-летию Московского союза художников. К этому времени живописцы и скульпторы работали и демонстрировали свои произведения как бы в двух руслах. Известные мастера старшего поколения продолжали придерживаться привычной тематики и стилистики. Они продолжали господствовать на больших официальных выставках. Но небольшие, часто однодневные выставки, проводимые в клубах и домах культуры, в учебных и научно-исследовательских институтах, свидетельствовали о появлении новых имен и нового направления в изобразительном искусстве. Выставки, где демонстрировались произведения нового, альтернативного направления, вызывали большой интерес и бурные споры в среде интеллигенции. Ее интерес подогревался краткостью подобного рода мероприятий,

ограниченным доступом к ним и отсутствием должной информации. А массовый зритель, воспитанный на традициях передвижников и социалистического реализма, был далек от новых веяний в искусстве и, если ему приходилось, например, видеть произведения П. Пикассо и других современных западных художников, нередко проявлял агрессивность по отношению к тому, что не понимал. Партийное же руководство до поры до времени занимало настороженно-выжидательную позицию.

Участие художников альтернативного направления в выставке в Манеже первоначально не предполагалось. Но неожиданно, буквально накануне открытия, их пригласили. Посещение Хрущевым этой выставки описано многими мемуаристами – очевидцами этого события {1780}. За исключением отдельных деталей авторы не противоречат друг другу. По общему мнению, скандал был не случаен, он был хорошо подготовлен и срежиссирован руководством Академии художеств. Как вспоминает Б.И. Жутовский, «одна команда живописцев, находившаяся у власти, решила, что пора сводить счеты с другой командой, которая подошла к этой власти слишком близко, и, чтобы убивать наверняка, придумала, как воспользоваться обстоятельствами и сделать это руками первого человека в государстве» {1781}.

Апелляция к первому человеку в партии и государстве была обычным делом в борьбе художественных течений и научных школ еще со сталинских времен. Поддержкой Хрущева умел пользоваться А.Т. Твардовский, обращаясь к нему часто через головы своих непосредственных начальников и кураторов. Такой же поддержкой с помощью Суслова решил, по единодушному мнению мемуаристов, заручиться и первый секретарь Союза художников РСФСР В.А. Серов. Почти с первых шагов по выставке Хрущев был вовлечен в тщательно отработанный маршрут, где его глазам предстали непривычные, непонятные, а если и понятные, то далекие от казенного оптимизма фигуры и лица. В нужных местах Суслов слегка отодвигался, давая возможность напористому Серову вставить свои комментарии. Гнев Никиты Сергеевича был беспределен.

– Мазня, лишённая смысла и содержания! Патологические выверты духовно убогих авторов! – эти слова, приведенные в газетном отчете, лишь отчасти и в смягченном виде передавали ту ругань, которая обрушилась на головы художников.

Такое недостойное поведение, конечно, подрывало авторитет Хрущева и делало очевидным, что он становится объектом для манипуляций. Но, так как либеральная интеллигенция продолжала видеть в нем единственного гаранта курса на десталинизацию, она не отшатнулась, хотя и испугалась, а попыталась вступить с ним в диалог. За 30 подписями (в том числе С.Т. Коненкова, М.И. Ромма, А.А. Суркова и И.Г. Эренбурга) на его имя было отправлено письмо, в котором содержалось предупреждение о том, что без возможности разных направлений искусство обречено на гибель. Судя по всему, с авторами этого письма в ЦК состоялся разговор, и оно было ими отозвано, но не осталось без последствий {1782}.

Развернутая сразу же после выставки в Манеже идеологическая кампания против формализма и абстракционизма имела широкий международный резонанс. В европейских странах народной демократии и компартиях капиталистических стран, по сообщениям посольств, возникли серьезные опасения, не возврат ли это к прошлому, вызванный стремлением угодить Китаю? Двусмысленность положения заключалась и в том, что авангардистское искусство на Западе было обычно левым, прокоммунистическим, просоветским, В Москве готовилась выставка французских художников Ф. и Н. Леже, далеких от реализма. И получалось, что западные модернисты могли выставляться в СССР, а свои преследовались. Поэтому советское руководство решило продемонстрировать свое стремление к диалогу с творческой интеллигенцией, дабы найти в ней поддержку, а через нее воздействовать на формирование общественного мнения.

13 декабря 1962 г. отдыхавший в Пицунде А.Т. Твардовский узнал, что 17-го предстоит встреча деятелей культуры с членами Президиума ЦК. Позвонил в Москву своему заместителю по журналу Дементьеву. И, услышав от него, что «обстановка сложная, противоречивая», что «кочетовщина поднимает голову в связи с суждениями (Хрущева. – Ю. А.) о живописи», записал: «То – Солженицын, а то – нечто противоположное, – разберись. Только бы не вверзнуться в дерьмо». Переполненный думами о предстоящей встрече, он на следующий день, накануне вылета в Москву, фиксирует, как «нарастает решимость сказать прямо все о

“кочетовщине” резко, без паники», и как вместе с тем его одолевает страх “вверзнуться” в «борьбу». «Очень, очень нужно подумать, нужно бы и посоветоваться, но с кем?»{1783}.

Однако диалога не получилось. Для Хрущева и его коллег эти встречи были только по форме диалогом. По содержанию они явились одной из разновидностей того, что называлось воспитательной работой партии среди интеллигенции, суть которой заключалась в сплошной нотации.

Аппарат пытался как-то скорректировать то негативное впечатление, которое осталось у многих интеллигентов от невозддержанного поведения главы партии и правительства. Секретарь ЦК КПСС Л.Ф. Ильичев, выступая на заседании идеологической комиссии ЦК КПСС с участием молодых литераторов, художников, музыкантов, кинематографистов и театральных работников 24 декабря 1962 г., что называется, по долгу службы, отдав должное тому, «как проникновенно говорил Никита Сергеевич Хрущев о высоком призвании советских деятелей культуры»{1784}, затем не раз повторял:

– Речь идет сейчас не о том, кого высмеять, кого шельмовать. У партии нет такой мысли. У нас есть одна мысль: помочь нашей молодой литературе и искусству петь во весь свой могучий голос, петь правильные песни в унисон с народом, с партией, помогая партии и народу строить великое коммунистическое общество. Исходите, пожалуйста, из того, что мы призываем трудиться во имя великих идей. И мы совсем не призываем вас прекратить это творчество{1785}.

Другое дело, что партия и не думала расставаться со своим монопольным правом определять, какие песни «правильные» и какие «неправильные». Вот в этих рамках, определяемых генеральной линией «служения великому делу коммунизма», Ильичев и попросил высказаться о том, что мешает молодым, рассказать о своем отношении «к заботе партии о дальнейшем развитии художественного творчества в нашей стране»{1786}.

Что и говорить, польщенные столь высоким вниманием к себе, все, бравшие слово, старались найти подходящие слова для того, чтобы высказать свою благодарность. Но и призыв к откровенности не остался без внимания. Например, Р.И. Рождественскому казалось диким, когда некоторые критики ставили под сомнение политическую благонадежность молодых поэтов и прозаиков:

– Я вспоминаю статьи в «Комсомольской правде» о Вознесенском. Какими только словами не назывались его успехи у молодых читателей и слушателей: это и погоня за дешевой популярностью, и шум эстрадной славы, и сезонная мода. Разбор произведений подмечался сплошными передержками и передергиванием, а подчас и просто клеветой{1787}.

Другой поэт, В.И. Фирсов, напротив, жаловался на то, что в определенной среде московской интеллигенции, особенно среди писателей, наметилось, укоренилось даже презрительное отношение к тем литераторам, которые твердо стоят на глубоко партийной основе:

– Их величают ортодоксами, консерваторами и бог знает еще какими словами. И стоит только сказать мне, что я отношусь с глубоким уважением к Грибачеву, Кочетову, Сергею Смирнову, Софронову, как на меня тычут пальцем...

Отметив, что часть столичной интеллигенции оторвалась от народа и ей чужды такие серьезные проблемы, как сельское хозяйство, он продолжил:

– И если я или мои друзья, положим, пишем о деревне, про нас говорят: «Это – консервативное начало. Подумаешь, о какой-то земле пишут. А нам подавайте общечеловеческие начала...». Я понимаю, им не очень понятны эти проблемы. Они начинают понимать проблемы сельского хозяйства, когда в стране случаются затруднения с мясом, молоком, маслом. Но они тут же начинают поносить Хрущева{1788}.

Живописец Н.И. Андронов обратил внимание на совершенно очевидное желание определенных лиц направить «удар, сделанный партией по наиболее отвратительным формам буржуазной идеологии в изобразительном искусстве», не по адресу. Вся терминология последних выступлений президента Академии художеств Серова и других, поспешивших «представить дело так, будто только они являются борцами за социалистический реализм», аналогична той, что велась в 1949 г. против Коненкова, Кончаловского, Фаворского и Сарьяна, нынешних классиков.

– Теперь этот удар направляется против художников, которые, может быть, в большей степени, чем кто-либо, заняты гражданскими темами, темами народа. Яркий пример – мой товарищ Павел Никонов... Если выбросить Никонова с выставки, гораздо легче будет руководить Академией художеств, он не будет беспокоить, ежедневно щекотать и т. д. {1789}

Остановился Андронов и на, как он сказал, «несколько удивляющих нас» методах официальной пропаганды:

– Недавно в «Правде», а потом в «Советской культуре» напечатано письмо в адрес Никиты Сергеевича от технолога Мытищинского машиностроительного завода. В нем говорится: «Недавно побывали на выставке работ московских художников. На нас произвела большое впечатление картина “Отдых после боя” Непринцева». Но это ленинградский художник, и картина его не была на выставке! Значит, эти товарищи, подписавшие письмо, на выставке не были. Простите, кому нужны такие методы? Это пахнет фальшивкой {1790}.

Поэт Е.А. Евтушенко начал с того, что сказал, как его «глубоко тронули, заставили задуматься слова Никиты Сергеевича Хрущева о том, что у нас не может быть мирного сосуществования в области идеологии». И в качестве примера сослался на изданную в Нью-Йорке якобы литературоведческую книжку «Весенний лист», в которой утверждается, будто между отцами и детьми в СССР существует вражда.

– Сколько бы они ни старались представить нас как людей, якобы при помощи эзопова языка, при помощи других методов нападающих на то святое, что было у нас в прошлом, это им не удастся. Есть подонки, есть подонки вроде Есенина-Вольпина, сочинившего эту грязную книжечку. После того, как мне подсунули под дверь в Лондоне эту книжку, я смыл руки мылом, и мне все казалось, что исходит гнилостный запах от нее. Есть подонки, привлекающие к себе иногда глупых, заблуждающихся парней, которые издают книжки вроде «Синтаксиса», «Коктейля»... Но они не определяют подлинное лицо нашей молодежи {1791}.

Но не только «подонки» помогают западным «специалистам по русской душе» представлять советскую молодежь как загнившую. Волей-неволей им в этом помогают и наши критики.

– Сколько, например, на меня было возведено страшных прозвищ! Я был вождем духовных стилиг, как писал товарищ Дымшиц, я был декадентом, пошляком, танцующим на принципах ленинского интернационализма... А сколько вешали различного рода собак на Роберта Рождественского? Люди переходили грани просто литературного спора. Это все очень печалит. Поймите, печально слышать это в своей стране {1792}.

Касаясь обвинений в том, что он дружит с Э. Неизвестным, и заметив, что «это звучит уже какой-то угрозой», Евтушенко признал, что «глубоко дружески» относится к этому человеку, и выразил абсолютную убежденность в том, что «те замечания, которые были высказаны Никитой Сергеевичем в адрес Неизвестного, имели глубоко дружеский смысл», и, хотя ему на последнем совещании «досталось здорово, а человек ушел окрыленный, с желанием работать». На этом совещании шел разговор и о его, Евтушенко, стихотворении «Бабий Яр». Так вот, вернувшись к себе домой и перечитав это стихотворение, «заново продумал все высказывания Никиты Сергеевича и, именно потому, что они были глубоко дружеские, пересмотрел это стихотворение, увидел, что некоторые строфы субъективно правильны, но требуют какого-то разъяснения, какого-то дополнения в других строфах».

Не прошел он и мимо намеков, сделанных Фирсовым:

– Если бы я увидел человека, который посмел рассказывать подобные анекдоты (о реорганизации сельского хозяйства и о Хрущеве. – Ю. А.), я, прежде всего, дал бы ему в морду, а потом бы написал заявление на человека этого, хотя никогда не писал заявлений. И написал бы совершенно искренне и правильно {1793}.

На фоне этих недвусмысленных деклараций о лояльности Евтушенко позволил себе коснуться темы, которая была напроць неприемлема для значительной части идеологического аппарата, но которая, был уверен он, близка сердцу Хрущева:

– Конечно, в нашей жизни есть и наследники Сталина, но самое основное, чем мы гордимся, это то, что весь советский народ и его молодежь – это не наследники Сталина, это наследники революции. Я убежден, что советская молодежь это понимает по-настоящему {1794}.

Страстным было выступление художника И.С. Глазунова. Он высказал свое несогласие с «обывательски казенным оптимизмом», отгораживающим себя стеной равнодушия от тревожного и во многом еще не отстроенного мира.

– Драматическое восприятие мира не есть пессимизм, как многие понимают у нас, – уверял он. – Всякое утверждение есть борьба, а борьба всегда драматична. Зачастую жизнь утверждается через смерть героя. Не пора ли нам покончить с мещанской болезнью трагедиебоязни, когда сытая улыбка обывателя выдается за оптимизм? {1795}

Говоря далее о поисках новых путей в искусстве, Глазунов выразил сожаление, что некоторые художники пытаются следовать образцам 20-х годов, ибо эти модные вчера и провинциальные сегодня течения во многом чужды лучшим традициям русской национальной школы, идеи которой лучше всего выразил Врубель. С горечью и довольно резко обращал он внимание на «фактическое уничтожение, добивание национальных традиций, на выкинутые на свалку останки Пересвета и Осляби, на уничтоженные саркофаги Минина и Пожарского».

– На чем мы будем воспитывать патриотическую гордость, что мы будем любить, чем будем гордиться? Вот недавно мы отпраздновали юбилей «Слова о полку Игореве». Как отпраздновали? Взорвали музей в Чернигове, где находились документы, ему посвященные. Не так давно взорвали в Витебске памятник XII века – современник «Слова». И если мы предъявляли немцам на Нюрнбергском процессе обвинение в том, что они уничтожали памятники XVII и XVIII веков, то что делать с секретарем исполкома Сабельниковым, который здравствует до сих пор?... Год назад в Ленинграде взорвали удивительный собор XVIII века на Сенной площади, где архитектор Власов дал бой безликому барокко, шедшему с запада черной волной. И вот этот удивительный архитектурный памятник, в котором воплотилась победа русских национальных форм в искусстве, взорвали вопреки воле общественности, которая хлопотала, чтобы спасти его... Странная картина – прилетает Гагарин в Москву, и в этот же день ломают дом на улице Горького, где основоположник наших космических достижений основал клуб космонавтов и где до этого бывали Чайковский и Мусоргский. Новоспасский монастырь в Москве Алевизом Новым построен, а такое впечатление, что там только что прошел хан Батый. Как же мы можем говорить о гордости за свое прошлое, о национальных традициях в искусстве, когда привыкли, что иконы надо разрубить, заколотить ими окна или выкинуть? {1796}

7-8 марта 1963 г. в Кремле состоялось еще одно совещание высшего советского руководства с представителями творческой интеллигенции. В самом начале совещания, пока докладчик – секретарь ЦК КПСС – шел к трибуне, Хрущев, сославшись на утечку информации о предыдущем совещании в заграничные средства массовой информации, обратился к тем из присутствующих, которые «пришли сюда как представители буржуазных агентств», и предложил им покинуть зал, предупредив, что если они все же останутся здесь, а потом «пойдут информировать и докладывать», то против них будет применен «закон об охране нашей государственности». Переждав бурные аплодисменты, он сказал:

– Вы можете открыто уйти, можете незаметно, вроде бы в уборную {1797}.

Как и на других подобных мероприятиях его многочисленные и пространные реплики были в центре внимания собравшихся. Например, касаясь начавшейся борьбы против абстракционистов, Хрущев опроверг разговоры, будто «она началась потому, что в сельском хозяйстве провал, в промышленности провал», и сказал по адресу авторов таких слухов:

– Сидит в своем личном клозете, нюхает свой дух и считает, что это – действительность нашей страны. А считая себя писателем, думает, что получил право определять политику. Извините..., руководство партии мы ни с кем не делим...

Переждав раздавшиеся аплодисменты, он продолжил:

– Поэтому давайте договоримся, кто судья... Начала всегда были, есть и будут... Может вы думаете, что при коммунизме будет абсолютная свобода? Кто так думает, не понимает, что такое коммунизм {1798}.

Не обошлось без прямых обвинений в нелояльности. Касаясь выступления Эренбурга на предыдущей встрече, когда тот, соглашаясь, что Сталин, возможно, его любил, утверждал, что сам-то он его не любил, «а любовь без взаимности – это не любовь», М. Шолохов посчитал нужным заметить:

– Не знаю, как у него сейчас с любовью с членами Президиума, вроде ничего не получается. А вот мы, большинство коммунистов и беспартийных, сидящих здесь, вот мы любим наших товарищей и надеемся, что это взаимно {1799}.

Хрущев поддержал подобное стремление «указывать пальцем». Признав, что судить о работе деятелей искусства никто не может лучше, кроме них самих, он сказал:

– И если вы нас другой раз привлекаете, вы не думайте, что нам приятно говорить вам гадости. Но раз гадость появляется, так надо о ней говорить и указывать [на нее] пальцем. Поэтому избавляйтесь сами, самоочищайтесь от налетов. Мы только будем радоваться {1800}.

Очевидно, поняв это высказывание как прямое указание, В. Василевская стала зачитывать отрывки из интервью двух советских писателей (прозаика и поэта), опубликованного в польском журнале, которое она посчитала «вредным». Назвала и авторов: Вознесенского и Евтушенко. Вознесенского тут же попросили объясниться. Взойдя на трибуну, он начал читать заранее приготовленный текст:

– Как и мой учитель Владимир Маяковский, я не член Коммунистической партии...

Он хотел продолжить, сказав, что, как и его любимый поэт, он не представляет «своей жизни, своей поэзии, каждого своего слова без коммунизма», но Хрущев не дал это ему сделать, прервав гневной тирадой:

– Почему вы афишируете?... «Я не член партии!». Вызов дает!.. Сотрем всех на пути, кто стоит против Коммунистической партии, сотрем! Бороться, так бороться, у нас есть порох.

Аплодисменты и шум в зале сопровождали эти его слова.

– Вы представляете наш народ, или вы позорите наш народ? – продолжал атаковать Хрущев Вознесенского.

Тот явно растерялся и залепетал:

– Никита Сергеевич, простите меня...

Но объясниться ему не было дано возможности.

– Мы никогда не дадим врагам воли, никогда! – под бурные аплодисменты продолжал оратор первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров СССР.

– Ишь какой – «я не член партии!» Он нам хочет какую-то партию беспартийных создать. Нет... Здесь либерализму нет места, господин Вознесенский {1801}.

Эта гневная тирада вовсе не значила, что гнев застил ему глаза. Он прекрасно видел, кто и как в зале реагирует на его слова.

– Здесь агенты сидят, – неожиданно объявил Хрущев. – Вот эти два молодых человека довольно скептически смотрят, и, когда аплодировали, они носы воткнули. Вон там двое – один очкастый, другой без очков {1802}.

Воспользовавшись тем, что негодование Никиты Сергеевича обрушилось на другие головы, Вознесенский попытался было оправдаться, ссылаясь снова на Маяковского. Но Хрущев наверное знал и об особом его отношении к Пастернаку, заявив:

– Ишь ты какой – Пастернака... Мы предложили Пастернаку, чтобы он уехал. Хотите, завтра получите паспорт. Можете сегодня получить. Уезжайте к чертовой бабушке {1803}.

И тут же, без всякого перехода, предложил пригласить на трибуну и послушать «вот тех молодых людей», коих только что уличил в том, что они не аплодируют ему.

– Это Аксенов, а это Голицын, художник, – назвал их фамилии секретарь ЦК КПСС Ильичев.

В зале тут же раздались голоса:

– Посмотрите на их внешний вид! Пришли в Кремль, а как индюки одеты! {1804}

Но ожидания нового «избиения младенцев» не оправдались. И Голицын, а вслед за ним и Аксенов, едва оказавшись на трибуне, поспешили заявить о своих репрессированных и реабилитированных отцах. Ругать их Хрущев не решил, ограничившись отеческим наставлением:

– Не становитесь на ложный путь. «Оттепель» – лозунг, который дал вам Эренбург, это не наш лозунг... Мы не признаем лозунга «Пусть расцветают все цветы!»... Я угрожать никому не хочу, но предупредить должен. Я, как Александр Невский (вот здесь сидит Черкасов) «иду на вы» {1805}.

Тогда в качестве крайнего, «мальчика для битья» Ильичев предложил вызвать на трибуну

секретаря парткома Московского отделения Союза писателей Е. Мальцева, хотя он и не записывался для участия в прениях.

– В большом коллективе есть разные люди, есть и незрелые, с которыми надо работать и которых надо воспитывать, – начал было он. – Я об этих выступлениях (то есть интервью. – Ю. А.) только сейчас услышал. Поэтому нужно, чтобы нас информировали о выступлениях наших товарищей [за границей]... Мы никакую иностранную информацию не получаем.

– Слушайте, это элементарно, – прервал его Хрущев, – когда в уборную заходите, вы чувствуете запах? А если вы сидите в ней? Нет, знаете, если коммунист вы, так вы не можете говорить: «Доложите мне, что это контрреволюционер, тогда я его арестую».

– Речь идет об информации, которую мы не получаем, – продолжал оправдываться Мальцев.

– Он десять лет сидит с ним и не знает, что он контрреволюционер... Мы от вас должны получать. Вы должны! {1806}

Этот призыв был услышан, и попросивший слова вне очереди Е.А. Смирнов проинформировал, как столичные писатели на выборах в свое правление провалили председателя правления Союза писателей РСФСР Л. Соболева только потому, что он попытался «очень осторожно сказать о Кочетове, что нельзя же так коммуниста прорабатывать и убивать».

– Московская организация стоит на неверных путях и поэтому сказать боится правду Центральному комитету. Нам нужна поддержка.

Такая поддержка от лица бюро ЦК КПСС по РСФСР и была обещана {1807}. И тут Хрущев вспомнил о письме группы писателей в ЦК по поводу того, что было в Манеже:

– Как это могло случиться, что беспартийный Эренбург увлек партийного Суркова подписать этот документ? Член ЦК, или кандидат в члены ЦК, товарищ Сурков. Кто еще подписал из старых писателей? Товарищ Симонов, тоже бывший кандидат в члены ЦК... Товарищ Сурков, с кем вы хотите сосуществовать? {1808}

Главный редактор журнала «Октябрь» В.С. Кочетов пожаловался на то, что во время заграничных поездок его одолевают вопросами о Пастернаке:

– А нашу литературу никто не знает. Правда, знают имена Евтушенко и Вознесенского, – стихов не знают, знают только то, что вокруг них происходит. У них надежда, не сокрушат ли они советскую власть. Поэтому это им очень интересно {1809}.

– Пастернак на это надеялся, – согласился с ним Хрущев, но не стал делать таких же выводов относительно Евтушенко и Вознесенского и, мало того, фактически признал, что и с Пастернаком изначально поступили неправильно: – Если бы книгу его «Доктор Живаго» издали, никакой премии Нобелевской он не получил бы {1810}.

Не обошелся Кочетов и без выпада против Твардовского:

– Вот посмотрите, в «Новом мире» была напечатана замечательная штука – «Вологодская свадьба», которую когда читаешь, просто жуть берет... где показаны идиотизм, круглые пьянки, дураки... Смелчаки пишут, смелчаки печатают {1811}.

Хрущев на этот выпад никак не реагировал, и Кочетов, зачитав пространное письмо протеста против этой публикации из той же Вологды, выразил желание опубликовать его:

– Оно говорит гораздо больше о нашей жизни, чем все эти подозрительные писания... Откуда все эти выдумки идут? Или не хочет видеть, или заштамповывает в представлении, что все надо поносить... со Сталиным выбросить советскую власть, коммунизм и прочее {1812}.

Художник Д.Л. Налбандян – автор многочисленных живописных полотен на историко-революционную тему с непременно присутствием на них вождей (Ленина, Сталина, Кирова) сетовал, что газета «Советская культура» не печатает его отрицательный отзыв на воспоминания Эренбурга, изображающего советское искусство сугубо административным и сплошь официальным. Выразил он негодование и по поводу того, что такой «замечательный художник» как Иогансон (президент Академии художеств. – Ю. А.) оказался забаллотированным при выборах делегатов на съезд художников противниками соцреализма:

– Надо, чтобы им дали по мозгам... Не только у нас в Москве, но и в других республиках выбирали на съезд всех тех художников и критиков, которые стоят за такое «новшество» {1813}. Б.В. Иогансон был президентом Академии художеств, то есть входил в

номенклатуру ЦК КПСС, и уже только в силу этого Хрущев мог заподозрить политическую подоплеку в борьбе ряда художников за обновление руководства их союза. Поэтому он не оставил без внимания то, что услышал:

– Если такие вывихи в [вашей] союзной организации, то не надо созывать съезд... Центральный комитет берет на себя ответственность и созывает совещание, а Центральный комитет, конечно, знает, кого пригласить на совещание. Нам нужно собрать те силы, на которые мы опираемся, а не те, которые хотят поставить себя в оппозицию партии. Пусть они собираются, мы им дадим паспорта на выезд для таких собраний{1814}.

Посещение высшим советским руководством художественной выставки в Манеже и последовавшие затем его встречи с представителями творческой интеллигенции вызвали неоднозначные отклики в народной массе. На вопрос «На чьей стороне были тогда ваши симпатии?» – 12% опрошенных в 1998 г. и 22% опрошенных в 1999 г. ответили, что их предпочтения находились на стороне власти и что, считая Хрущева правым, они поддерживали его обвинения. Д.И. Авдеев, художник из Московского института стекла, был за реалистическую живопись, а на выставке в Манеже было много абстракции{1815}. Не нравились такие картины М.Н. Лепинко, радиотехнику из Военно-морской академии им. Крылова в Ленинграде{1816}. «Я тоже могу такое рисовать, почему бы и нет, а Хрущева мы уважали», – говорила А.Г. Столярова, бригадир моляров из Можайска{1817}. «Любое творчество должно быть не только понятным, но и приятным людям», – был уверен сварщик завода автокранов в Балашихе А.Ф. Нудакхин{1818}.

«Это не искусство» – вместе с Хрущевым был убежден рабочий Метростроя М.М. Гурешов. «Это не было искусством», – считал и В.М. Михайлов из подмосковной Тайнинской, лично побывавший на той выставке в Манеже. Вспоминая бесформенность некоторых скульптур и натюрморты, изображающие «рванный ботинок, три железки, болт и скобу», таможенник Ю.Н. Шубников из Внуково риторически спрашивал: «Разве это искусство?». «Нарисуют точку и назовут искусством!» – говорил водитель В.А. Кусайко из автоколонны 1763 в Ногинске. «Сюрреализм и модернизм с черным квадратом никогда не считала подлинным искусством» учительница Константиновской школы в Загорском районе В.С. Безбородова. «Не приемлю никаких извращений в искусстве», – говорил ее муж, техник местного деревообделочного завода В.С. Безбородов. Считал, что художники «бесятся от жира», москвич А.В. Шаталин. «Наша интеллигенция зажралась», – говорила Л.С. Трофимова из Ярославля. «Разогнал интеллигентов, и правильно, работать надо, а не прохлаждаться!» – говорила заведующая отделом кадров треста «Ефремовстрой» Р.Г. Пономарева. «Новомодные художественные изыски» были чужды инженеру МЭИ А.В. Митрофанову, увлеченному своей работой и горным туризмом, поэтому к гонениям на «авангардистов» он был равнодушен и «даже немного одобрял их»{1819}.

«Как бы то ни было, но власть всегда права», – рассуждал С.Е. Тишко, главный инженер Серпуховского текстильного комбината{1820}. Такого же мнения придерживался А.А. Линовичский, грузчик одного из продовольственных магазинов в Алексине{1821}. Суть обвинений «не дошла» до рабочей рыбокомбината в Поронайске на Сахалине Т.С. Зайцевой, но она «всегда старалась быть на стороне власти, особенно в вопросах, которые не понимала»{1822}. О том, что говорил Хрущев на выставке и на встречах с художественной интеллигенцией, ничего не ведал техник предприятия п/я 41 в Подольске А.Д. Арвачев, но согласился с обвинениями, подхваченными средствами массовой информации: он был «полностью на стороне власти». «Мы, рабочие, всегда власть поддерживали», – заявлял Н.А. Бондарук из совхоза «Хмельницкий» на Украине. То же самое говорила и работница швейной мастерской № 23 в Москве Л.В. Гурьева. На стороне власти были симпатии учительницы начальных классов Н.С. Мартыновой и медсестры Е.А. Кузнецовой из подмосковного поселка Дзержинский, хотя сами они толком не представляли себе, вокруг чего на Манеже разгорелся спор. Всегда был «за Хрущева» колхозник В.Д. Жаров из деревни Марково Лотошинского района{1823}.

Тогда техник Мосэнерго Б.С. Городецкий считал, что прав был Хрущев, сейчас же «стали понимать, что каждый может рисовать и лепить, как хочет»{1824}. «Среди интеллигенции было много врагов», – объясняет рабочий В.Н. Проскурин, который, правда, и Хрущева считал

«врагом народу»{1825}.

Считали, что Хрущев не прав, и были на стороне тех, кого обвиняли в разного рода грехах, в том числе антисоветизме, соответственно 19 и 22% опрошенных.

Красивыми нашла обруганные Хрущевым картины шофер одной из московских автобаз Е.П. Серова. Симпатии художника-оформителя одного из московских НИИ М.Г. Даншюва были на стороне пострадавших: «Та выставка была многогранна, а Хрущев, понимая только реализм, дал свою субъективную критику авангардного искусства». На стороне «новаторов от искусства» были симпатии слесаря завода ОКБ-2 О.В. Шеффера: «Хрущев в нем вообще не разбирался и лез в те области, в которых был некомпетентен». Посетивший выставку в Манеже инженер предприятия п/я 577 А.В. Анисимов «в душе считал, что Хрущев не прав», тоже объясняя его поведение непониманием этого направления живописи и скульптуры. «Безграмотным мужиком» обозвал Хрущева инженер Л.Ю. Бронштейн из города Ромны, также побывавший на этой выставке. «Над ним смеялись», – свидетельствовал шофер МИДа Г.В. Алексеев. Сочувствовали обруганным художникам и открыто смеялись над глупостью Хрущева, по словам сотрудницы Библиотеки иностранной литературы Э.Д. Абазадзе. «Возмутилась безапелляционностью» архитектор К.Н. Ненарокова. Было стыдно за Хрущева работнице Комитета по радиовещанию СССР Н.И. Фарбер и работнице плавательного бассейна «Москва» Н.С. Разореновой. Считала Хрущева «полуграмотным осколком окружения Сталина» учительница А.В. Кочеткова из Мытищ. Самодурством назвал выступления Хрущева перед художественной интеллигенцией корреспондент газеты «Люберецкая правда» Е.Н. Фильков, Так как Хрущев, по мнению техника из трамвайного депо им. Баумана А.И. Харитонов, был «почти неграмотен», то и «в любом проявлении интеллигентности видел антисоветчину». «Это тоже искусство», – считала медсестра из Бабушкинского райсовета П.П. Хлопцева. Недоумение вызывали оценки Хрущева у учительниц из подмосковного Косино Г.К. Пятикрестовской и Н.Б. Косяк. Нелепыми показались последней и обвинения в антисоветизме. Не верил, что «все обвиняемые – враги народа», рабочий Красногорского оптико-механического завода В.Д. Бакин. Симпатии рабочего завода № 30 А.И. Кирьянова были на стороне обвиняемых, так как он считал, что их несправедливо обвиняют. «Это было против Хрущева», – говорил техник Ленгипропромстроя И.Ф. Григорьев, сам, правда, не уважавший абстракционизм. Произволом назвала поведение Хрущева врач из Ленинграда Н.В. Кузьменко: «Он сам ничего не понимал в культуре и другим не давал организоваться». По мнению инженера Нарофоминского шелкового комбината В.С. Даниловича, «Хрущев нес какую-то ахинею», официально ее все одобряли, «а про себя плевались». Секретарь Аромашевского райисполкома в Тюменской области В.П. Торопова говорила: «Не согласны с ним были, ведь интеллигенция – это тоже народ, часть общества, значит он против советского общества»{1826}.

Далек был от искусства рабочий МЗМА С.И. Виктюк, но слышал, что на выставке были представлены очень интересные работы{1827}. Не очень разбиралась в искусстве Э. Неизвестного студентка Ярославского пединститута Р.Г. Мелихова, но Хрущев, по ее мнению, в искусстве вообще не разбирался, был «неотесанным грубияном»{1828}. Хотя В.М. Быстрицкая из Госкомитета по оборонной технике и не понимала творчества этих художников, тем не менее она считала, что «разносить их ни к чему»{1829}.

Московская учительница М.Ф. Бодак побывала перед этим на выставке молодых художников в Доме учителя Ждановского района на Б. Коммунистической улице и не увидела там никакого криминала: «Было много абстрактного, даже связанного с космосом. Ну и что ж? Наши симпатии были на стороне художников, хотя директора Дома учителя и наказали по линии райкома партии»{1830}. Симпатии к интеллигенции испытывала студентка МАДИ С.И. Кабанова{1831}. Удивлена была техник ГлавПУ Москвы Е.А. Чуйкова: «Применение силы к свободному искусству недопустимо»{1832}. «В моей среде его (Хрущева) мнение было расценено как очередное вмешательство в сферу, в которой он ничего не понимал», – вспоминал Г.И. Потапов, научный сотрудник Всесоюзного заочного политехнического института. «Очень сочувствовали художникам», по словам инженера В. ЭТИ им. Кржижановского Л.П. Смирновой{1833}.

Безобразием посчитал поведение Хрущева драматург В.С. Розов{1834}. «Позорно вел себя Хрущев», по мнению Е.А. Малиновской, начальника планового отдела на опытном заводе

Института источников тока в Москве{1835}. «Правительству не дано право мешать талантам», – считал А.М. Зенин, инженер из Лыткарина{1836}. Испытывал досаду на руководителей и обиду за страну инструктор по туризму из Киева Л.К. Самборский: «Кошмар! Бред сивой кобылы!»{1837}. Не одобрил поведения Хрущева, узнав о нем из передач «Голоса Америки», В.И. Пастушков, офицер одной из частей береговой артиллерии Балтийского флота{1838}. «Бурно протестовали», по словам Г.И. Воронковой, студентки Московского института транспортного строительства: «Позор!»{1839}. «Все возмущались, но молчали», – вспоминала Е.И. Емшина, рабочая предприятия п/я 2346 в Москве, судя по всему коммунистка{1840}. Рабочей Московского завода им. Куйбышева, коммунистке Л.П. Агеевой особенно не понравилось то что, Хрущев грозил показать не понравившимся ему «кузькину мать»{1841}.

На стороне интеллигенции был И.И. Парамонов, слесарь одного из депо Московского железнодорожного узла: «У него не хватает эрудиции, и он использует власть для давления на интеллигенцию», – предполагал московский шофер П.И. Северин{1842}. Жалела художников работница фабрики «Красные текстильщики» Г.А. Гришина: «Хрущев не разбирается, а лезет»{1843}. «Интеллигенцию обвиняли зря, после этого они наверное и стали уезжать», – рассуждает сейчас А.А. Налимов из подмосковной Ивантеевки, рабочий одного из заводов в Сокольниках{1844}. «Говорил дурацкие вещи, хотя сам ничего не понимал, с потолка взял обвинения», – считала учительница Ф.А. Павлюк из Баку{1845}. «Хрущева не одобряли, художникам сочувствовали» в окружении экономиста «Экспортльна» Е.В. Корниенко{1846}. Было «жалко обвиняемых» почтальону А.Н. Суховой из поселка Южный в Тульской области{1847}. «За этой выставкой следила не только наша, но и мировая общественность, – говорил инженер предприятия п/я 1323 в Москве Э.А. Шкуричев. – И низкая культура Хрущева стала позором страны»{1848}.

Другое объяснение своих тогдашних симпатий и антипатий давала А.П. Смирнова, медсестра из в/ч 12122 в подмосковном поселке Заря: «Хрущева уже не любили, и все его выступления, а тем более обвинения, вызывали недовольство». «Хрущев начинал надоедать, вызывать чувство раздражения», – говорил М.М. Панкратов из Реутово{1849}.

«Не царское это дело», – говорил студент Днепропетровского горного института В.Р. Червяченко, прибавляя, что расценивал хрущевские разносы как «измельчание этого деятеля», особенно на фоне тех значительных проблем, которые требовали решения. Рентгенотехник из Коломны Б.Г. Маскин приводил слова, якобы сказанные Хрущеву одним писателем: «Мы эту свободу в окопах Сталинграда отстаивали, а вы нас учите!»{1850}.

Полагали, что правы и не правы были обе стороны, соответственно 2 и 4% опрошенных.

«Можно было понять и тех и других», – говорил А.И. Голубчиков из Каменска-Уральского. «Каждый по-своему прав», – думала доярка М.С. Прилепо из деревни Струменка в Суражском районе Брянской области. Всегда далеким от искусства казался Хрущев военнослужащему из Карагандинской области Н.Е. Чепрасову, но и художники не вызывали у него симпатии. «Вообще не нравился» Хрущев и рабочему трамвайного депо им. Баумана В.А. Васильеву, но «не очень понравилось» ему и на выставке. Считая абстрактную живопись в творческом отношении ограниченной, медсестра из Коломны Т.Ф. Ремезова считала, что Хрущев в данном случае сделал ей ненужную рекламу и эти художники «возомнили себя мастерами». Офицер КГБ в ГДР А.И. Носков считал, что «Хрущев не разбирался в том, что критиковал», но и интеллигенты, по его мнению, «не имели ничего общего с народом»{1851}.

Не имели мнения об этом, оставались нейтральными, не понимали, о чем идет речь, или не обратили внимания, были не в курсе соответственно 31 и 26% опрошенных.

«Кто их разберет?» – говорила учительница М.М. Крылова из деревни Ключевая в Калининской области{1852}.

Затрудняются с ответом, не знают, что сказать почти 8% опрошенных.

Не помнят этого соответственно 16 и 14% опрошенных. Нет ответа или ответ непонятен у соответственно 11 и 5,5% опрошенных.

Итак, в отношении к спору между властью и интеллигенцией, те, кто брался судить, разделились почти поровну. Да и все вместе они не составляли большинства.

Хрущев же, уверенный в своей правоте, в марте 1963 г. организовал еще одну громкую,

пугающую встречу с деятелями литературы и культуры, а затем, в июне, всех их пригласил на пленум ЦК КПСС, посвященный задачам идеологической работы. На нем очень активно, даже назойливо пропагандировались достижения за десятилетие, прошедшее после 1953 г. Его даже объявили «великим» в жизни Советской страны. Перечислялись успехи в области экономики. Говорилось о повышении материального и культурного уровня жизни народа. Естественно, не забыли и о грандиозных достижениях в освоении космоса (к пленуму был приурочен полет женщины-космонавта). Отмечались полное преодоление последствий культа личности, восстановление ленинских норм в жизни партии и страны, «подлинный расцвет социалистической демократии». Но даже несомненные победы и достижения преувеличивались. И все они связывались с деятельностью «ленинского Центрального комитета во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым – выдающимся руководителем ленинского типа».

Выдающаяся роль его в этих достижениях был несомненна. Но настораживали непомерное восхваление и почести, которые ему воздавались. Буквально все выступавшие выдерживали ритуал, в соответствии с которым необходимо было упомянуть о тех или иных его заслугах или же процитировать какое-нибудь из его высказываний.

Некоторые преуспели и в том, и в другом. Нарастала сила подбираемых эпитетов. Делает свои первые льстивые пассажи первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов:

– Наша отчизна, подобно могучему кораблю, рассекая богатырской грудью волны, преодолевая все преграды, победно мчится к заветному берегу – коммунизму.

А управление этим коммунистическим кораблем находится «в крепких, надежных руках... ленинского Центрального комитета во главе с выдающимся ленинцем»{1853}.

К этому времени авторитарные методы управления, применяемые Хрущевым, непререкаемость его суждений утвердились полностью. В значительной части были уже сформированы и атрибуты нового культа, связанного с его именем. Правда, без тех жестоких и кровавых последствий, что были у культа Сталина. Мало того, в его интерпретации теперь помимо оттенка некоторой искренности у одних, нередко проявлялись досада, раздражение, а то и насмешка у других.

И если в верхах звучала только бравурная музыка, победные марши, то внизу среди прочего можно было услышать и нечто абсолютно противоположное. Весьма характерен в этом плане инцидент, происшедший в Тульском механическом институте, где пятикурсники устроили диспут «Коммунизм и сегодня», в ходе которого, как отмечалось потом на бюро обкома КПСС, имели место «нездоровые, политически незрелые высказывания отдельных студентов: пессимистические нотки, стремление изобразить действительность в искаженном виде». Тревогу областного партийного руководства, а затем и идеологического отдела Бюро ЦК КПСС по РСФСР вызвало то, что участники диспута позволили себе «во всем сомневаться, все проверять самим», а главное – то, что одна студентка заявила, что не считает Никиту Сергеевича компетентным в вопросах литературы и искусства, упрекнув его в отсутствии необходимой для политического лидера скромности. Но мало этого, она посмела выразить неудовольствие по поводу ограниченной свободы слова в СССР. Все это было расценено как ЧП, как полный провал идейно-воспитательной работы в вузе. Кафедры философии и политэкономии, а также партком, санкционировавшие обсуждение вопросов, «заведомо уводящих от правильного обсуждения темы», были обвинены в «политической близорукости и беспринципности». Поплатились своими постами декан факультета и один из двух заведующих кафедрой, который в своем выступлении на диспуте не только не дал отпора «ошибочным» взглядам, но и попытался увидеть нечто положительное в самом стремлении студентов самостоятельно разобраться в сложных проблемах общественно-политического характера. Получило взыскания и высшее руководство института{1854}.

Нетерпимость к инакомыслию, к сколько-нибудь критическому отношению к действительности нарастала. Этому способствовали два фактора, на которые уже обратили внимание историки. Уже упоминавшиеся трудности в поступательном движении к коммунизму имели следствием то, что преобразования теряли свою привлекательность в глазах многих людей. Их неудовлетворенность и заставляла власти прибегать к старому и испытанному громоотводу в виде «внешнего врага». К тому же начало 60-х годов действительно

характеризовалось резким обострением международной обстановки. И вовсе не случайно на июньском пленуме ЦК КПСС в центре внимания оказались вопросы обострения идеологической борьбы на мировой арене и был сделан вывод о том, что империализм, страшась поражения в мирном экономическом соревновании с социализмом, переносит центр тяжести борьбы в сферу идеологии, развязав беспрецедентную «психологическую войну» против СССР. Перед партийной пропагандой ставилась задача решительно разоблачать происки идеологов антикоммунизма, отмечая всяческие попытки протащить тезис о мирном сосуществовании в идеологии.

Непримиримый, воинствующий характер советской идеологии и пропаганды находил свое отражение в самой ее фразеологии, риторике и образно-терминологической системе. Пропагандисты и публицисты, клеймя тех, кто оказался «зараженным мелкобуржуазной идеологией», стали называть их «идейными подкулачниками», прибегая к образу из не столь еще отдаленной эпохи сплошной коллективизации. Постоянно оперировали откровенно военной терминологией. А их самих на партийных форумах именовали «боевыми порядками видов идейного оружия» и «ударными идеологическими силами партии».

Как полагает историк Л.Н. Доброхотов, июньский пленум ЦК КПСС стал заметной вехой в послевоенной истории партии, положив начало «той абсолютизации роли идеологии, пропаганды, идейного воспитания в решении социально-экономических задач, которая в дальнейшем превратилась в прочную тенденцию, все более усугубляя разрыв слова и дела, превращая работников идеологической сферы в своего рода «пожарную команду», которая бросалась всякий раз туда, где намечались срывы, где надо было к чему-то призвать, что-то внушить»{1855}.

Некоторые же люди начинают делать свой выбор в пользу не просто неприятия, а сопротивления.

В 1963 г. Наум Коржавин пишет стихотворение «Наивность». Размышляя в нем о «великом переломе» и последующих кровавых годах истории страны, он приходит к такому выводу: «Грех – кровь пролить из веры в чудо. / А кровь чужую – грех вдвойне. / А я молчал... Но впредь не буду: / Пока молчу – та кровь на мне»{1856}.